

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5464.

Воскресенье, 11-го ноября 1901 г.

№ 5464.

Заклятые враги.

Свѣтозара Чаровича *).

Бхали мы вмѣстѣ. У меня былъ только одинъ конь и, могу похвалиться, очень добрый, потому что я два раза падалъ съ него, а падаю я только съ добрыхъ коней. Шагаль онъ гордо и довольно быстро, голову носилъ высоко, но чортъ его знаетъ отчего, по временамъ встряхивался, и при этихъ то встряхиваніяхъ я вылеталъ изъ сѣдла. А мой спутникъ бхалъ на бѣломъ конѣ, съ отвѣсными ушами и кудрымъ хвостомъ, а за нимъ тянулся цѣлый караванъ изъ четырехъ или пяти лошадей съ выючными сѣдлами, но безъ выюковъ.

Это былъ видный мужчина, правда, сухой, съ увядшимъ лицомъ, но большого роста и плечистый. Къ нему такъ шли и многочисленные свѣтлыя пуговицы на груди, блестящія и отсвѣчивавшія на солнцѣ, такъ что на нихъ нельзя было глядѣть, и этотъ шелковый платокъ, повязанный вокругъ головы, бахромки котораго, свѣсившаяся черезъ плечи, падали на пуговицы. Я любовался имъ, глядя на него со стороны, и долго мы бхали, а я не проронилъ ни одного слова, боясь испортить себѣ удовольствіе, которое я получалъ, молчаливо созерцая своего спутника.

Звали его Деко Мраовичъ.

О немъ я ужъ давно слышалъ удивительные рассказы. Хвалили его, какъ безпримѣрнаго юнака (храбреца) и осмотрительнаго хайдука (разбойника), нѣкоторое время наводившаго страхъ почти на полъ Герцеговины. Тѣмъ пріятнѣе для меня было его спутничество, и потому-то я такъ внимательно вглядывался въ него.

— Откуда это у тебя порожнія лошади?—спросилъ я, наконецъ, послѣ столь долгаго молчанія, желая теперь разговаривать съ нимъ.

— Отвозилъ въ городъ поклажу.

— Что доставлялъ туда?

— Разное: хлѣбъ, картофель, капусту.

— А кому?

— Дѣтямъ покойнаго Али Мянгиича. Я остановился и съ изумленіемъ поглядѣлъ на него. Али Мянгиичъ былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ и грознѣйшихъ турокъ, а главное—это былъ лютой врагъ Мраовичей.

— Развѣ ты ихъ арендаторъ, что возишь имъ хлѣбъ?

Онъ завертѣлъ головой.

— Должникъ я ихъ, и притомъ ужасный должникъ.

*.) Переводъ съ сербскаго „Русск. Л.“.

Бюстъ испанской королевы-регентши, Маріи-Христины. Работы скульптора Паллеза.

И замолкъ. Опустилъ голову и изо всей силы ударилъ коня по шеѣ, хотя тотъ шел довольно быстро. Конь рванулся и своирогилъ въ сторону. Онъ ударилъ его снова, конь пошелъ теперь прямо.

Видя, что онъ дѣлаетъ съ конемъ, я не хотѣлъ спрашивать его дальше. Опустивъ узду, я началъ вполголоса напѣвать какую-то пѣсню, не помню теперь, какую.

Ему это видимо понравилось. Онъ повернулъ своего коня поближе къ

— Не знаю больше.

Онъ съ неудовольствіемъ отвернулся, потянулъ за узду и побхалъ по тропинкѣ въ сторону.

— Куда ты?

— Въ лѣсъ, отдохнемъ немного.

Я послѣдовалъ за нимъ. Свернули мы въ лѣсъ слѣзли съ лошадей и пустили ихъ пастись, сами сѣли подъ вѣтвистый дубъ и вынули кисты съ табакомъ.

Нѣсколько минутъ мы молчали, слушая, какъ хруститъ на зубахъ у ко-

— А теперь уплатилъ уже долгъ?

— Нѣтъ... Нескоро это будетъ.

Затѣмъ онъ выпустилъ два-три клуба дыма и поглядѣлъ на меня.

— Тутъ цѣлая исторія... и хотя мнѣ это не очень пріятно я тебѣ расскажу ее.

„Турецкія злодѣянія заставили меня уйти въ хайдуки. Опротивѣла мнѣ жизнь безправной райи *). надоѣло всякому кланяться, и вотъ я взялъ ружье, да съ пятью шестью товарищами и ушелъ въ лѣсистыя горы. Тутъ мы подстерегали турокъ и нападали на нихъ. Каждый день бывали у насъ схватки, и всякій разъ мы что-нибудь добывали. Пришла очередь развѣдаться и помѣряться и съ Мянгиичами. На самый Петровъ день напали мы на ихъ домъ и убили троихъ. Но Али остался живъ: скрылся гдѣ-то и хотя мы обыскали все жилище, не могли его найти. Мы награбили, что только могли унести, и воротились въ свой притонъ.

Но за это поплатились и мы. Собралъ Али чету (дружину) побольше и получше нашей и началъ насъ преслѣдовать по пятамъ. Гнались за нами по лѣсамъ, по полямъ, пока не загнали въ такую труппу, куда не заходятъ и дикія козы. Тутъ мы укрѣпились и рѣшились защищаться до смерти. Али окружилъ насъ, укрѣпился самъ и не давалъ намъ и высунуться изъ нашей берлоги. Настало томленіе и нужда. Не было уже у насъ ни хлѣба, ни воды а достать не откуда, и никто не рѣшался прокрасться на поиски, а голодь мучилъ такъ, что ты готовъ былъ съѣсть свое тѣло. Мои товарищи стали мрачными, лица у нихъ почернѣли, какъ земля; бродили они около меня, какъ тѣни, но ни одинъ не заропталъ, не застоналъ, не заплакалъ.

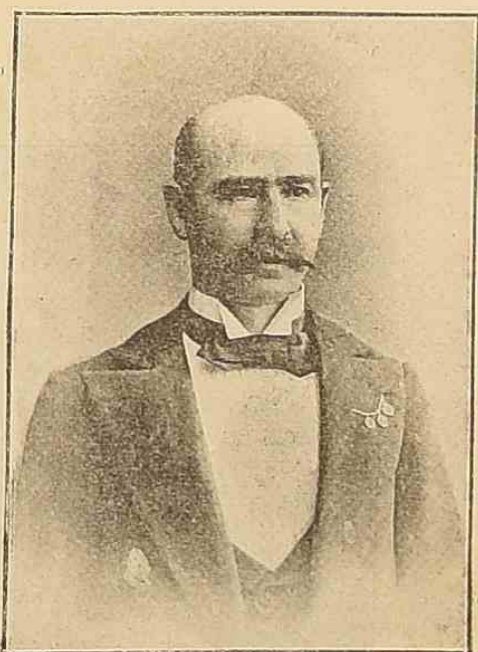
Вижу я: дольше нельзя.

— Попробуемъ, братцы, пробиться, — говорю я.—Лучше намъ веѣмъ до одинаго такъ погибнуть, чѣмъ издохнуть здѣсь съ голода. Намъ все равно умирать, такъ ужъ лучше умереть отомстивши, чѣмъ отправиться на тотъ свѣтъ съ жадной турецкой крови.

Веѣ понимали, что нѣтъ другого исхода, и согласились на это.

Я первый выскочилъ съ ятаганомъ въ рукахъ, а за мною веѣ. Турки встрѣтили насъ опнемъ. Видѣлъ я, какъ пали двое изъ товарищей; но, думаю, нѣтъ другого выбора, и бросаюсь на турокъ. Бросились и остальные, добрались мы до нихъ. Кровь залила мнѣ глаза, я никого не вижу, а только мапу ятаганомъ и бѣгу впе-

*.) Райи—подданные туркамъ христіане.

Д-ръ Н. И. Марголинъ, (по поводу 25-лѣтней дѣятельности).

Баронъ М. А. Рено, новый предѣдатель одесской уездной земской управы

моему, и сталъ внимательно прислушиваться.

— Пой громче.

Я усилилъ голосъ. Онъ сдвинулъ головную повязку на затылокъ и началъ сопровождать пѣсню покачиваяемъ головы.

Наконецъ, я пересталъ.

— Валяй еще!

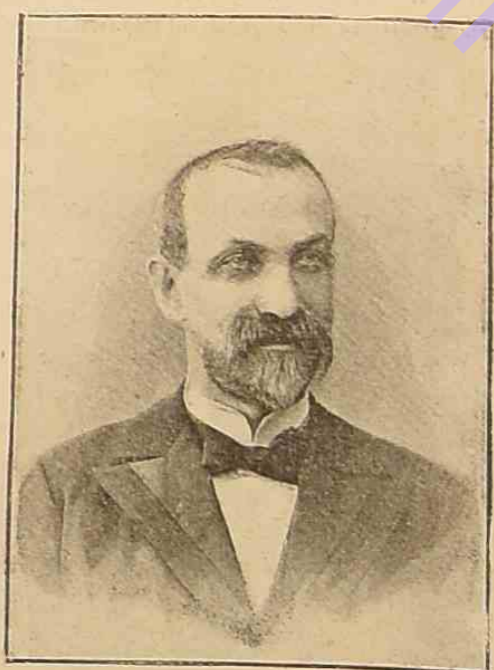
ней трава, да гдѣ-то вдали долбить дерево дятель.

Надоѣло мнѣ молчаніе.

— Когда-же это ты задолжалъ Мянгиичу?—спросилъ я, чтобы только начать разговоръ.

Деко сдвинулъ брови и махнулъ рукой.

— Давно.

Д-ръ С. С. Рабинвичъ, (по поводу 25-лѣтней дѣятельности).

жу, что не буду больше твоей, не люблю тебя.

Трепет пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ словно хотѣлъ воспринять въ порывѣ отчаянія. И она увидѣла, какъ губы его поблѣли, и весь онъ окаменѣлъ. Такъ онъ и остался на пьедесталѣ колѣнопреклоненнымъ съ простертыми къ ней руками.

Scilla bitoliata.

Разсказъ Андре Терье *).

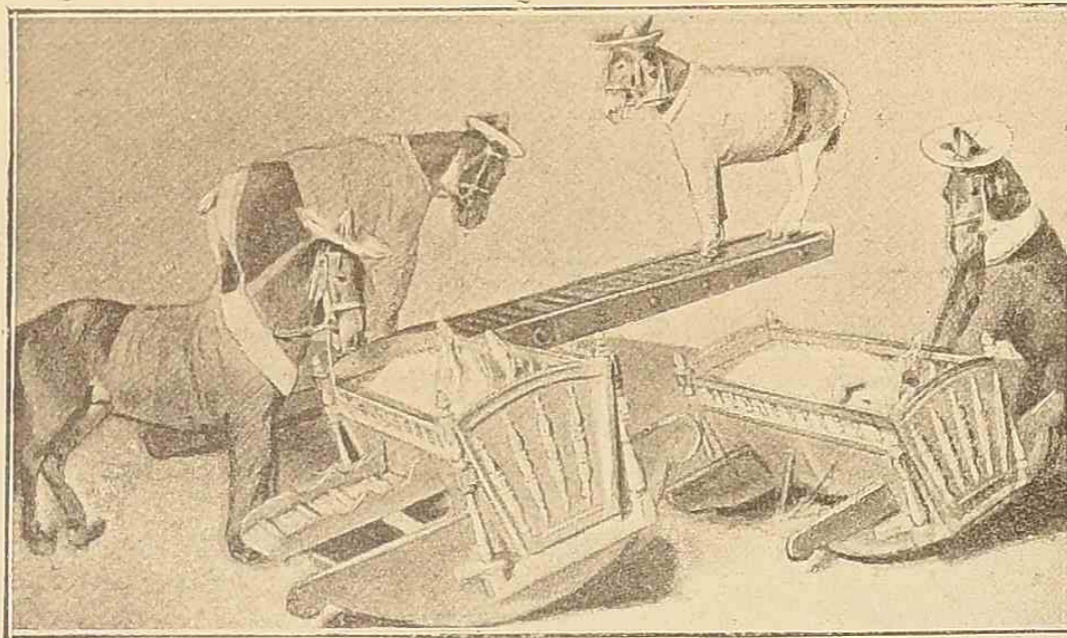
— Теперь Scilla bitoliata начинаетъ цвѣсти,—сказалъ мнѣ господинъ Менелье.— Для моего гербарія мнѣ необходимо нѣсколько экземпляровъ этого растенія, чтобы замѣнить тѣ, которые уже совсѣмъ выцвѣли. Ты бы сходилъ,—профессоръ говорилъ мнѣ „ты“,—чѣмъ я очень гордился,—и разыскалъ бы мнѣ съ полдюжины этихъ цвѣтѣвъ.

— Весьма охотно, дорогой учитель,—отвѣчалъ я,—но въ нашихъ мѣстахъ это растеніе мнѣ никогда еще не попадалось. Я не знаю даже, гдѣ искать его.

— Я тебя научу. Ты дойдешь до Месонжа лѣсной дорогой, потомъ пройди лѣсную опушку, возьмешь вправо по тропинкѣ и не сбѣлаешь сотни шаговъ, какъ наткнешься въ чащѣ на этотъ цвѣтокъ; не забудь только захватить землю поглубже, чтобы вырвать растеніе вмѣстѣ съ корнемъ и луковицей.

На другое утро, позавтракавъ, я отправился на поиски. Было пасмурно, но явесело шагалъ по дорогѣ. Съ неба, покрытаго облаками, падалъ пріятный матовый свѣтъ. У опушки лѣса пахло фиалками. Надъ паромъ звивались и звенѣли жаворонки. Пройдя лѣсную дорогу, я взялъ вправо тропинкой и въ томъ именно мѣстѣ, какъ сказалъ мнѣ почтенный ботаникъ, нашель желанную Scilla bitoliata. Тонкій стебелекъ ея выдвигался между двухъ узкихъ зеленыхъ листовъ и поднималъ вверхъ небольшой букетикъ темно-синихъ цвѣтѣвъ, маленькихъ, въ видѣ звѣздочекъ съ пучкомъ черныхъ, тонкихъ, какъ паутина тычинокъ посрединѣ. Scilla bitoliata оказалась до крайности милымъ очаровательнымъ растеніемъ.

Въ то время,—я говорю о дняхъ моей юности,—я былъ влюбленъ въ ботанику. Эта увлекательная наука служила мнѣ предлогомъ для далекихъ экскурсій по полямъ и лѣсамъ. Говоря откровенно, я былъ хорошимъ коллекционеромъ-гербаризаторомъ, но серьезнымъ ученымъ меня нельзя было назвать. Я охотнѣе любовался, нежели занимался классификаціей и анализомъ цвѣтѣвъ. Я любилъ цвѣты ради нихъ самихъ, любилъ ихъ свѣжесть, красоту, аромат; любилъ ихъ за тѣ поэтическія впечатлѣнія, которыя доставляли мнѣ поиски за ними. Бѣгать по полямъ во время пасхальныхъ вакацій, смотрѣть, какъ расцвѣтаетъ дикій гиацинтъ, синія среди красной листвы виноградниковъ; любоваться, какъ пышно разворачиваетъ лиловый свой вѣничикъ дикій анемонъ въ молодой зелени оживающаго поля—все это доставляло мнѣ ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе. Легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по зеленой опушкѣ лѣса. Бѣлая облака тихо плыли въ глубокой синевѣ неба, въ обнаженныхъ еще лѣсахъ яблони и дрозды пробовали свой голосъ въ отрывистыхъ, короткихъ, но живыхъ, мелодичныхъ пѣняхъ, и эти звуки раздавались въ безлиственной рошѣ, какъ голоса въ пустомъ, лишенномъ убранства и мебели домѣ. И я, возбужденный весеннимъ воздухомъ, какъ будто пилъ съ его ароматными струями весенніе соки земли и рвалъ свѣжераскрышіеся

„Счастливая семья“. Дрессированные ослы въ берлинскомъ циркѣ.

цвѣты и во весь голосъ декламировалъ лучшие стихи изъ Виргилія. И теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, я при наступленіи Пасхи переношусь мыслен-

но въ то отдаленное время. Я вижу яркіе весенніе дни, которые перемежаются съ весенними веселыми грозами; пробужденныя отъ зимней спячки

деревья паливаютъ пахучія, смолистыя почки, новая травка изъ разогрѣтой солнцемъ почвы вытягиваетъ свой молодой стебелекъ. Весеннее прозябанье, пробужденіе земли неизмѣнно вызываютъ во мнѣ воспомнаніе о моей собственной веснѣ съ первыми готовыми распуститься цвѣтами, когда сердце охваченное новымъ, непонятнымъ желаньемъ и волненьемъ, сильнѣе чувствовало свое сродство и связь съ пробуждающей природой. И этотъ переходъ отъ юности къ молодости въ жизни человѣка—то-же, что недѣля Пасхи въ жизни природы. Переходъ этотъ—мятежный, полный волненій и грозъ, непогоды и солнечнаго сіянья, какъ это бываетъ въ апрѣлѣ.

Въ моихъ ботаническихъ экскурсіяхъ господинъ Менелье былъ моимъ руководителемъ и совѣтникомъ. Мы съ нимъ встрѣтились въ одно прекрасное утро въ лѣсной чащѣ, которую тщательно изслѣдовали, неся черезъ плечо наши зеленые ящики для растеній. Встрѣча съ землякомъ, влюбленнымъ въ цвѣты, привела стараго профессора въ восторгъ. Я ему полюбился, и онъ пригласилъ меня къ себѣ ознакомиться съ его гербаріемъ. Мы стали друзьями, а я до нѣкоторой степени его ученикомъ.

Господинъ Менелье пользовался репутаціей ученаго, а его гербарій считался лучшимъ во всемъ департаментѣ. Этотъ Менелье, высокій, сухой, плѣшивый и съ сильной сѣдиной въ бородѣ, со строгимъ и флегматичнымъ выраженіемъ лица, съ глазами, всегда скрытыми подъ синими очками, съ медленно-внушительной рѣчью, казался мнѣ старикомъ, хотя ему не было и пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ очень начитанъ и въ совершенствѣ зналъ французскихъ и латинскихъ классиковъ и любилъ ихъ цитировать, но я долженъ сознаться, что при этомъ онъ предпочиталъ наиболѣе вѣкиа и даже циничныя цитаты. Меня удивляло, что занятіе ботаникой не сбѣдало его болѣе кроткимъ и снисходительнымъ. Иронія и пессимизмъ были его отличительной чертой, и онъ ненавидѣлъ челоѣчество вообще, а женщинъ въ частности. Между тѣмъ онъ былъ женатъ, и въ то время, когда я съ нимъ познакомился, мадамъ Менелье была очаровательной, полненькой особой, лѣтъ тридцати очень извѣстной въ обществѣ моего родного городка. Она была кокетлива, легкомысленна и любила удовольствія. Супруги видѣлись только за столомъ. Остальное время г. Менелье проводилъ, запершись въ своемъ ученомъ кабинетѣ, стѣны котораго были увѣшаны картинами его гербарія. Въ этомъ кабинетѣ онъ спалъ. Служанка не смѣла переступить порога его комнаты: онъ самъ ее убиралъ и стлалъ себѣ постель. „Женщины способны только вносить и развивать блохъ и сплетни“,—говаривалъ онъ обыкновенно. Онъ выходилъ изъ своей комнаты только на ботаническія экскурсіи, да и тѣ по слабости зрѣнія и вслѣдствіе того, что ноги отказывались ему служить для болѣе отдаленныхъ прогулокъ, становились все рѣже и рѣже. Со времени нашего знакомства добывать новые экземпляры для гербарія онъ началъ поручать мнѣ. Онъ зналъ кантонъ, какъ своихъ пять пальцевъ, зналъ, въ какомъ именно мѣстѣ растеть тотъ или другой рѣдкій цвѣтокъ, и благодаря его точнымъ указаніямъ, я никогда не возвращался назадъ съ пустыми руками. Теперь, найдя очаровавшую меня Scilla bitoliata, я совсѣзможными предосторожностями вырылъ съ десятокъ этихъ растеній и въ восторгѣ отъ своей добычи поспѣшно отправился къ дому г. Менелье; я боялся, что меня дорогой застигнетъ гроза.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Переводъ „Вол.“

М О Д Ы